

СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Е.Н. Глазунова*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Предлагаемая статья является продолжением материала, опубликованного в журнале в 2013 г. В ней определяются основные тенденции эволюции теории развития в последние десятилетия XX – начале XXI в. Автор обозначает причины кризисного состояния, в котором теория и практика содействия международному развитию оказались в 1980–1890-е годы, раскрывает содержание постдевелопмента. Характеризуя процесс трансформации теории, автор обращает особое внимание на истоки формирования популярной сегодня концепции устойчивого развития и подробно разбирает содержание связанных с ней теорий «второго уровня» – теории человеческого развития, партиципативного развития, социальной экологии, человеческой безопасности. В статье также затрагиваются проблемы секьюритизации развития, надлежащего управления, сотрудничества по линии Юг–Юг и другие актуальные вопросы теории содействия международному развитию.

Ключевые слова: развитие, содействие международному развитию, постдевелопмент, антидевелопмент, человеческое развитие, устойчивое развитие, человеческая безопасность, глобальное управление, надлежащее управление, секьюритизация развития, демократизация, партиципативное развитие, сотрудничество Юг–Юг.

* Глазунова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lng@fmp.msu.ru).

** Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2427.2014.6).

*Услышьте нас: ваши соседи по планете так нуждаются в помощи!
Катерина, 17 лет, Аргентина¹*

– Ну, допустим, тебе жалко человека. Но боли-то ты все равно не чувствуешь! Твой живот цел – в этом все дело. Рядом, в двух шагах от тебя, кто-то гибнет, и мир рушится для него среди крика и мук...

*А ты ничего не ощущаешь. Вот ведь в чем ужас жизни!
Запомни это, малыш. Вот почему мир так медленно движется вперед.*

И так быстро назад. Тебе не кажется?

– Нет, не кажется, – сказал Керн.

Штайнер усмехнулся.

*– Понимаю. И все-таки подумай об этом при случае.
А вдруг поможет...²*

Приведенные эпиграфы, наверное, удивят читателя. Авторы этих слов – реального и придуманного талантом великого писателя – разделяет целое столетие и объединяют невыразимая горечь и боль от невозможности быть услышанными и понятыми. Глубоко эмоциональное и лирическое наполнение приведенных цитат резко контрастирует с заголовком статьи, обещающим обзор «сухого» теоретического дискурса по проблемам содействия международному развитию (СМР), а читателю, знакомому с предыдущей публикацией на эту тему, особенно непонятным и, наверное, неуместным покажется приведенный диалог героев Ремарка. Действительно, рассказывая об истоках теории СМР и отдав дань роли либералов в ее происхождении, мы, тем не менее, уверенно поместили последнюю в формат реалистической парадигмы. Более того, мы постарались убедить читателя в том, что одна из трех основных детерминант СМР – морально-нравственная мотивация, в специальной литературе обычно называемая либо альтруизмом, либо филантропией, в прикладном значении фактически превращается в свою антитезу, обозначенную нами как «неогоббсианский» «просвещенный эгоизм» [Глазунова, 2013: 135–137]. Нет ли здесь противоречия? В настоящей статье, характеризуя современное состояние теории СМР, мы поясним и эту точку зрения.

* * *

Современный этап эволюции теории и практики девелопмента, как ни парадоксально, начался с антидевелопмента. Этот термин стал синонимом других, не менее жестко и апокалиптически звуча-

¹ The State of the World's Children 2014 in Numbers. Every Child Counts / Revealing disparities, advancing children's rights. Available at: www.unicef.org/eapro/EN-FINAL_FULL_REPORT.pdf (accessed: 10.09.2014).

² Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. М.: АСТ, 2010. С. 39.

ших определений состояния СМР начала последней четверти XX в.: «тупик», «паралич», «усталость», «коллапс» и т.д. Статья Д. Бута «Марксизм и социология развития: к вопросу об интерпретации тупика» открыла последние сдерживавшие критику шлюзы [Booth, 1985]. Многочисленные оппоненты – как «слева», так и «справа» – не просто обрушились на конкретные проекты содействия развитию, но буквально задались целью уничтожить теоретическую девелопменталистику. Ее называли идеологией, что само по себе было почти ругательством. Критики «слева» доказывали, что девелопменталистика была выдумана исключительно ради того, чтобы оправдать западный модернизационный проект и обеспечить западную политическую и экономическую гегемонию. Фактически в конце XX столетия в девелопменталистике сложилась самостоятельная теория постдевелопмента, основу которой составляла жесткая критика (в значительной степени исходившая из самих развивающихся стран) всего предшествующего периода СМР. Наиболее яркими представителями этого направления в девелопменталистике были мексиканский интеллектуал Г. Эстева, колумбийский антрополог А. Эскобар, иранский дипломат М. Рах-нема, немецкий ученый В. Саш, американский ученый-антрополог Дж. Фергюсон, французский экономист С. Латуш, швейцарский профессор Ж. Рист и др. В. Саш писал в 1992 г.: «На фоне общего интеллектуального пейзажа идея развития торчит, как одинокая руина, которую давно пора убрать. Заблуждения и разочарования, провалы и криминал, сопровождавшие развитие на всем протяжении его истории, свидетельствуют об одном и том же: оно не работало. Более того, исторические условия, которые послужили катапультой для запуска идеи в жизнь, исчезли, следовательно, и само развитие устарело» [Sachs, 1992: 1].

Оценивая результаты 40-летней теории и практики СМР, ученые-постдевелопменталисты, естественно, обращали внимание на негативные стороны. По ряду показателей ситуация в отсталых странах ухудшилась. Ученые посчитали, что, если будут продолжаться те же темпы роста, которые наблюдались в 1980-х годах, потребуется еще 150 лет, чтобы страны «третьего мира» достигли хотя бы половины размера дохода на душу населения западных стран [Содействие международному развитию, 2012]. В существовавших теориях модернизации эти показатели не были приняты в расчет. Вместо «самоподдерживающегося роста» (а это, как известно, была самая популярная в научных и политических кругах теория) к концу XX в. большинство развивающихся стран оказались опутаны долгами, что лишь способствовало дальнейшему «параличу» теории и программ развития. Такие показатели, как безработица, убогость и недостаток единиц жилья и наделов зем-

ли, нарушение прав человека, бедность и т.д., ухудшались и вызывали серьезную тревогу. Определенные результаты и достижения в области программ развития, безусловно, имелись, но проблемы бедности и неравенства в отсталых странах стояли не менее остро, чем полвека назад.

«Левые» критики СМР объективно и, очевидно, сами того не желая, лили воду на мельницу его «правых» оппонентов, с позиций неолиберальной теории давно подвергавших сомнению целесообразность государственных интервенций в экономику и другие сферы жизни бедных стран, т.е. фактически саму идею и практику помощи развитию. Как известно, 1980-е годы стали временем торжества неолиберальных идей, причем не только в области СМР — эта волна поглотила как теоретическую политическую экономию, так и практическую политику большинства стран мира. Концептуальное оформление этой идеологии на международном уровне произошло в 1989 г. и получило название Вашингтонского консенсуса. В рамках девелопменталистской теории помощь развитию стали рассматривать как инструмент «политики структурной адаптации». Крупнейшие доноры — Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк — обусловили предоставление помощи полным соблюдением государствами-реципиентами правил Вашингтонского консенсуса. От них требовали приватизации государственной собственности, дерегулирования экономики, жесткой бюджетной дисциплины, открытия и «освобождения» национального рынка, либерализации торговой политики, перехода от импортозамещающей к экспортоориентированной стратегии и т.д. Страны «третьего мира», в первую очередь беднейшие африканские государства, которые в то время напрямую связывали свою экономическую жизнеспособность с помощью МВФ и Всемирного банка, были вынуждены безропотно принимать эти условия. Одновременно и страны-доноры, взяв на вооружение неолиберальную доктрину, неизбежно должны были существенно сократить объемы помощи «третьему миру». Утвердившаяся в послевоенное время кейнсианская доктрина, постулировавшая решающую роль государства в экономике, была пересмотрена. Это естественным образом сказалось и на политике содействия развитию. Фактически уже на рубеже 1970–1980-х годов в теории и практике СМР появилась тенденция замены официальной помощи развитию (ОПР) частными инвестициями. Девелопменталистика откатилась на несколько десятилетий назад. На фоне относительно благополучных и результативных для всей сферы СМР 1970-х годов контраст в ней выглядел особенно удручающим; 1980-е годы для девелопменталистов стали «потерянным десятилетием». Ничего хорошего не сулили им и наступавшие 1990-е. В конце XX в.

«третий мир» увидел тот самый «звериный оскал» капитализма, который западные страны с разной степенью успеха старались «очеловечить» на протяжении чуть ли не столетия.

Так же, как термин «постдевелопмент» не был синонимом понятия «антидевелопмент», так и теоретический дискурс в формате постдевелопмента, хотя и строившийся на базе критики СМР, не означал отрицания концепции содействия развитию. Он содержал в себе и мощный позитивный заряд, энергия которого была направлена на поиски путей трансформации теории и практики СМР. Не менее важно и то, что постдевелопмент, как всякая серьезная и содержательная теория, имел своих оппонентов. Так, в период расцвета нелиберальной «эпохи» в теории и практике СМР не только нелибералам и ортодоксам (сторонникам традиционной теории модернизации), но и их критикам (неомарксистам и приверженцам парадигмы «зависимости») серьезные претензии были выдвинуты феминистской школой. Ее представители (В. Скот, Дж. Кук, Дж. Робертс) обвиняли прежнюю теорию развития в узком «гендерном» подходе, обращали внимание на то, что результаты такой политики СМР были совершенно различными для мужского и женского населения развивающихся стран. Они указывали, что прежние теоретические подходы, особенно модернизационный и восторжествовавший в 1980–1990-е годы нелиберальный, лишь способствовали маргинализации женского населения в странах «глобального Юга». В первую очередь исследователи имели в виду представительниц беднейших социальных слоев и членов «исторически игнорируемых сообществ, таких как низшие касты в Индии, коренное население Латинской Америки и Азии, африканские крестьянки» [Haslam, Schafer, Beaudet, 2009: 70].

Однако большинство ученых-девелопменталистов воспринимали подобные вызовы без пессимизма. Британский социолог и специалист в области политических наук Р. Кили, его соотечественник экономист и политолог Дж. Рапли, американский антрополог М. Эделман и другие исследователи совершенно справедливо отмечали, что постдевелопмент — это отнюдь не окончательный приговор теории и практике развития, а лишь очередной этап процесса их критического осмысления. По их мнению, говорить о наступлении «эры постдевелопмента» и о том, что идея развития себя изжила, было преждевременно. Основания для такой точки зрения у ученых были — хотя бы потому, что по ряду показателей эффект от программ развития был очевиден. Так, согласно данным ООН, опубликованным в ежегодном Докладе о человеческом развитии 1997 г., в значительной степени благодаря различным программам СМР за 30 лет детская смертность в слаборазвитых странах снизилась более чем вдвое; показатели недоедания — на одну

треть; доля детей, не посещающих начальную школу, уменьшилась с более чем половины до менее четверти; продолжительность жизни увеличилась в большинстве отсталых стран³. Разве это не достаточный стимул для того, чтобы продолжать работу? — рассуждали ученые.

Вместе с тем большинство исследователей проявляли практически полное единодушие в отношении того, что девелопменталистика нуждалась в существенном обновлении. Даже терминология и базовые понятия теории СМР должны были подвергнуться коррекции. В последние десятилетия XX в. изменился сам объект ОПР. «Третий мир» всегда был неоднороден: разница в показателях развития различных стран подчас была настолько очевидной, что некоторые ученые предлагали говорить уже о «четвертом» и «пятом» мирах. Появление «восходящих» держав, «азиатских тигров» лишь подтверждало справедливость подобных замечаний. При этом после падения Берлинской стены и распада Советского Союза само понятие «третий мир» фактически утратило свое привычное значение (хотя по-прежнему сохранялся тот смысл, который был вложен в него А. Сови в 1952 г.). Следует отдать должное ученым-девелопменталистам, которые уже до означенных политических событий — в начале 1980-х годов — призывали отказаться от рассмотрения проблем отсталости в идеологических категориях «трех миров» и говорили о том, что мир разделен между богатым Севером и бедным Югом. Уже в тот период в формате Организации Объединенных Наций начало формироваться ядро структуры, которая в скором времени стала локомотивом продвижения новой теории и практики СМР, — Международной комиссии по окружающей среде и развитию (известной также по имени ее председателя — скандинавского врача, политика и общественного деятеля Гру Х. Брундтланд как комиссия Брундтланд)⁴. Ученые и общественные деятели, озабоченные судьбами человечества, призывали Север признать тот факт, что мир стал, как никогда ранее, взаимозависимым, и проводить в отношении «глобального Юга» более адекватную и продуманную политику. Однако в то время эти призывы, как и следовало ожидать, затерялись в идеологических и геополитических концептах «второго издания» «холодной войны».

После ее окончания размышления ученых о том, что должно было стать ответом на вызов времени, какая парадигма развития могла бы соответствовать требованиям новой эпохи, заставили

³ Human Development Report 1997. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/258/hdr_1997_en_complete_nostats.pdf (accessed: 10.09.2014).

⁴ Process of preparation of the Environmental Perspective to the Year 2000 and Beyond. A/RES/38/161. December 19, 1983. Available at: <http://www.un.org/documents/ga/res/38/a38r161.htm> (accessed: 10.09.2014).

многих из них обратиться в прошлое и несколько иначе взглянуть на оставленное им идейно-теоретическое наследство. Современная теория развития сформировалась на основе критического анализа прежних концептов и фактически стала их переосмысленным синтезом. Главное — ученым-девелопменталистам было понятно, что необходимы подходы, которые охватили бы все аспекты историко-социальных наук и были применимы к контексту разных типов общества. Они осознавали, что теория должна: включить определенные черты международной политической экономии; обновить понимание связки «развитие — безопасность» (security-development nexus); вобрать в себя изучение конфликтов. Для создания новой «рабочей» теории было необходимо в первую очередь отказаться от односторонней линейной трактовки развития как движения в сторону западных ценностей; уйти от жесткого детерминизма любого толка (экономического, политологического, культурного, экологического и т.д.); больше, чем прежде, уделять внимание «местным» нуждам и особенностям, но в то же время учитывать международные факторы и глобальный контекст, рассматривать развитие как эндогенно-экзогенный процесс; наконец, признать конструктивную роль социокультурных традиций, придать им статус дополнительного фактора развития. Учитывая все эти элементы, ученые пытались создать новую парадигму СМР. Кто-то искал иные подходы в рамках испытанных теорий, кто-то старался разработать новые концепты: гражданское общество, глобальное управление, глобальные социальные движения и т.д. Со всем новой теории не родилось, да, наверное, и не могло родиться так быстро, однако подходящий формат все же был выбран. С точки зрения большинства исследователей, наиболее перспективной теорией, потенциально способной охватить весь массив названных проблем, оказалось так называемое устойчивое развитие.

* * *

Концепция *устойчивого развития* в современной ее конфигурации существует с 1987 г., однако ее истоки находятся в более раннем периоде — в 1960-х годах. Невозможно не обратить внимания на время ее появления: это были годы серьезного и по сей день не до конца понятого историками и социологами кризиса, охватившего практически все западное общество. Радикальная волна протеста и отчуждения, которую историки часто называют «бунтом молодых», прокатилась практически по всему западному миру. Объяснить причины поистине глобального размаха этой турбулентности действительно было довольно сложно: внешне для большинства стран Запада это было вполне благополучное и «сы-

тое» время. Люди сумели забыть ужасы и лишения войны, государства залечили нанесенные ею раны и преодолели трудности реконверсии. На поверхности причины протестов и беспокойства лежали, пожалуй, только в США, где молодежь, а вслед за ней и другие слои общества протестовали против войны во Вьетнаме и расовой дискриминации. Однако американская реальность, по всей видимости, была только верхушкой того айсберга, который состоял из многочисленных проблемных пластов, созданных бурным процессом развития человеческого общества послевоенной эпохи. Исследователи, пытавшиеся разгадать феномен той «радикальной волны», по-разному выстраивали «рейтинги» приведших к ней явлений и процессов. Однако всегда одно из первых мест в этих рейтингах занимала научно-техническая революция (НТР). Действительно, с одной стороны, небывалый темп развития технологий вызывал серьезнейшую социальную трансформацию в развитых странах; с другой стороны, 1960-е годы — это время, когда в результате деколонизации в мире появились новые независимые государства, сразу же попавшие в разряд «слаборазвитых» и страдающих от всего комплекса свойственной этой категории проблем: экономической отсталости, демографического роста, социально-политической нестабильности т.д. НТР была «повинна» и в другом явлении общемирового масштаба: революционные изменения в области целого ряда наук — микроэлектроники, энергетики, средств коммуникаций — привели к качественно новому витку в процессе интернационализации мирового хозяйства. В то же время НТР не могла не поднять вопрос о возможности Третьей мировой войны и разрушении окружающей человека среды. Действительно, *глобальные* противоречия того времени вызвали к жизни необходимость в исследованиях, связанных с прогнозированием перспектив социально-экономического прогресса.

Тогда же на Западе появилось множество институтов и других «футурологических» организаций. Так, был создан Институт проблем будущего в Вене, международный фонд «Человечество в 2000 году» в Нидерландах и другие подобные структуры. Однако наибольшую известность получил заявивший о себе в 1968 г. Римский клуб. Инициатором создания этой неформальной организации стал итальянский предприниматель и экономист А. Печчеи, после Второй мировой войны работавший в странах Латинской Америки и не понаслышке знакомый с проблемами «третьего мира». Именно Римский клуб, объединивший ученых многих стран и самых разных специальностей — социологов, экономистов, политологов, антропологов, биологов и др., запустил в научный обиход привычное сегодня понятие «глобальная (или мировая) проблематика». Этот термин, как вспоминал впоследствии

член клуба советский академик Д.М. Гвишиани, был порожден «осознанием мира как единой системы, для существования и развития которой необходимо общими усилиями справиться с рядом проблем, не поддающихся локальным, частным решениям»⁵. Приверженцы «нового глобального мышления» задались целью с помощью методов математического компьютерного моделирования исследовать не только ближайшие, но и отдаленные последствия действий человека в самых разнообразных областях его жизнедеятельности — от индустриальной сферы до политики.

Первый же доклад рабочей группы Римского клуба (она состояла из молодых ученых Массачусетского технологического института), называвшийся «Пределы роста», вызвал чрезвычайно широкий общественный резонанс⁶. Сразу обращал на себя внимание его алармистский посыл: ученые писали о том, что если современные тенденции ускоренной индустриализации, роста численности населения, истощения запасов невозобновляемых ресурсов и деградации природной среды будут продолжаться, то в течение следующего столетия (называлась даже более точная дата — 2100 г.) человечество выйдет за «пределы роста», произойдет неконтролируемый и невосполнимый спад численности населения, резко снизится объем производства. В результате мир ждет неминуемая катастрофа. Однако, по мнению ученых, человечество вполне способно изменить эти тенденции роста и в долгосрочной перспективе прийти к устойчивому социально-экономическому и экологическому развитию⁷. Авторы доклада предложили оптимальную модель мира, которая, с их точки зрения, могла бы, во-первых, поддерживать себя в *устойчивом* режиме и, во-вторых, обеспечивать удовлетворение основных потребностей *всего* населения планеты. Предложенная американскими учеными «стабилизационная стратегия» предполагала сознательное ограничение роста населения (выравнивание показателей рождаемости и смертности), ограничение роста капитала (выравнивание показателей инвестиций в промышленный капитал и его амортизации), вторичную переработку ресурсов, экологический контроль, восстановление неплодородных земель и т.д. Авторы предлагали внести сущностную корректировку в стратегию развития: вместо увеличения выпуска материальных и производственных благ сделать акцент на продуктах питания и услугах.

⁵ Гвишиани Д.М. Краткий обзор докладов Римскому клубу. Доступ: http://ihst.ru/~biosphere/Mag_3/gvishiani.htm (дата обращения: 10.09.2014).

⁶ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Limits to Power. Available at: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed: 10.09.2014).

⁷ Гвишиани Д.М. Краткий обзор докладов Римскому клубу. Доступ: http://ihst.ru/~biosphere/Mag_3/gvishiani.htm (дата обращения: 10.09.2014).

Как только доклад был опубликован, на него обрушился буквально шквал критики. Ученых упрекали в необъективности оценок и нереалистичности рекомендаций. Тем не менее публикация «Пределов роста» была событием знаковым. Алармистская тональность доклада, пусть и воспринятая многими как слишком преувеличенная, позволила авторам выполнить основную задачу — «привязать колокольчик кошке на хвост», т.е. привлечь внимание мировой общественности к проблемам, которые иначе вряд ли могли рассчитывать на глубокое изучение в ближайшее время.

В дальнейшем рабочие группы Римского клуба проводили исследования, фокусируя внимание на отдельных вопросах⁸. При всем разнообразии проблематики этих разработок неизменным оставалось восприятие мира как единой сложной системы, все компоненты которой неразрывно связаны между собой. Один из наиболее значимых докладов клуба был подготовлен в 1976 г. коллективом интеллектуалов под руководством голландского экономиста, лауреата Нобелевской премии Я. Тинбергена и назывался «Пересмотр международного порядка»⁹. Он был опубликован в виде монографии, посвященной глобальным социально-экономическим проблемам второй половины XX в.: гонке вооружений, истощению сырьевых, продовольственных и энергетических ресурсов, деградации окружающей среды, разрыву между развитыми, благополучными странами и «третьим миром». По общепринятому мнению, этот труд создал методологическую основу новой науки — глобалистики.

Главная идея доклада в сжатом виде высказана в его заключительной части одним из авторов, британским политологом Э. Манн-Боргезе, написавшей: «Пороки общества потребления, на мой взгляд, скорее следствия, чем причины трудностей, с которыми сталкиваются некоторые благополучные страны. <...> Причины потребительского образа жизни, гонки вооружений, злоупотреблений технологией и неокOLONIALИЗМА кроются во внутренней и внешней политике, во властных структурах: военно-промышленно-научном комплексе, в “корпоративном обществе”. Это структурные и в глубоком смысле политические причины. Мне представляется приоритетной задачей погасить их негативное влияние. Все остальное приложится»¹⁰. Единственно верным решением стоящих перед человечеством проблем, говорили ученые,

⁸ Reports to the Club of Rome. Available at: <http://www.clubofrome.org/?cat=45> (accessed: 10.09.2014).

⁹ Tinbergen J., Ettinger D. van (eds.). Reshaping the international order: A Report to the Club of Rome. New York: E.P. Dutton, 1976.

¹⁰ Цит. по: Гвишиани Д.М. Краткий обзор докладов Римскому клубу. Доступ: http://ihst.ru/~biosphere/Mag_3/gvishiani.htm (дата обращения: 11.09.2014).

может стать лишь сближение «бедных» и «богатых» стран по численности населения, объемам дохода на душу населения, потребности в продовольствии. При этом существовавшая в то время «идеология роста», учитывавшая лишь количественные факторы развития, способствовала нерациональному, варварскому использованию природных ресурсов и дальнейшему обострению противоречий между богатыми и бедными, результатом чего могло стать разрушение всей системы.

Выход из создавшейся ситуации авторы видели в осознании человечеством необходимости иного типа потребления — менее расточительного, более бережного и разумного. Новые стратегии должны были ориентироваться на структуру роста, в основе которой лежал учет социальных последствий, причем на фоне возросшей степени экономической взаимозависимости государств структура роста должна была определяться для всего человечества. В целях сближения среднего уровня доходов в мировом масштабе в докладе рекомендовалось развитым и развивающимся странам принять разные темпы среднегодового роста доходов на душу населения, а именно: чтобы при росте доходов в развивающихся странах на 5% в год развитые страны оставались на прежнем уровне. Для этого, писали ученые, необходимы кардинальная перестройка властных структур во всем мире и во всех областях (технической, экономической, политической, военной), новая практика международных отношений, институциональной деятельности, рыночной системы и многое другое¹¹. Важно отметить, что в докладе «Пересмотр международного порядка», в отличие от первых трудов членов Римского клуба, уделено внимание не столько вопросам методологии, сколько конкретным практическим мерам. Пересмотр международных экономических отношений предполагалось осуществить посредством создания или активизации деятельности уже существовавших наднациональных органов, которым страны, прежде всего развивающиеся, должны были передать часть своих суверенных прав по использованию ресурсов, экономическому развитию и т.п. Такими органами могли бы стать, в частности, Всемирный банк, организации по энергетике и природным ресурсам и т.д.

В целом эта идея — отказ от привычной трактовки концепции национального суверенитета, — по мнению ученых, должна была содействовать процессу социальной сплоченности на глобальном уровне и к тому времени была уже традиционной для Римского клуба. Она проходила «красной нитью» практически через все его доклады. Гарантией устойчивости миросистемы, с точки зрения

¹¹ Там же.

ученых, была триада гармонично сочетающихся между собой компонентов: системы ценностей, формы политического управления и экономической структуры. Авторы доклада подчеркивали, что реализовать это взаимодействие на практике не под силу ни одному государству, и делали из этого вывод о необходимости единого мирового порядка. В 1991 г. опубликованный в рамках исследования Римского клуба доклад, называвшийся «Первая глобальная революция», логически развивал эту мысль¹². Принципиальным моментом доклада было положение о том, что обострение противоречий между развитыми и бедными странами, возможное изменение климата Земли, нестабильность в обеспечении продовольствием, недостаточность энергоресурсов — все эти факторы и масштабы происходящих перемен равносильны глобальной революции. Особенную угрозу она представляет при *плохом управлении*. Напротив, *хорошее*, или *надлежащее, управление* может обеспечить устойчивое развитие человечества на всех уровнях.

В течение довольно долгого времени в нашей стране к деятельности Римского клуба и произведенному им «продукту» — концепции устойчивого развития относились весьма настороженно, если не сказать негативно. Тому было (и остается) много причин как научного, так и чисто политического характера. Безусловно, одним из наиболее раздражающих и «подозрительных» факторов были рассуждения о необходимости «делиться» суверенитетом. К тому же вокруг устойчивого развития действительно сразу появилось множество квазинаучных и даже мистических и религиозных теорий, которые, по большому счету, мешали разглядеть рациональное зерно зарождавшейся концепции. Однако в последнее время российские политики и ученые, похоже, не просто «смирись» с этой теорией, но, оценив ее потенциал, стали все более активно включаться в работу по ее реализации.

Вместе с тем проблемы самой концепции и ее восприятия, конечно, остаются. По сей день устойчивое развитие вызывает много споров. Пессимисты и скептики (как в России, так и за рубежом) в лучшем случае выражают свое отношение к этой концепции фразой «поживем — увидим», в худшем — заявляют о полной несостоятельности ее идей, демагогичности и декларативности. Однако важно отметить, что историческое значение концепции устойчивого развития заключается уже в том, что в трудные для деvelopeменталистов и «потерянные» для развития 1980-е годы именно в ней они разглядели достаточный ресурс, чтобы сказать «нет» антидеvelopeменту и продолжить работу. Эти годы стали вре-

¹² The First Global Revolution. Available at: http://www.geoengineeringwatch.org/documents/TheFirstGlobalRevolution_text.pdf (accessed: 11.09.2014).

менем более углубленного осмысления концепции, уточнения и расширения ее содержания. Дело в том, что, несмотря на попытки ученых, сотрудничавших с Римским клубом, говорить именно о *глобальных* угрозах и *глобальном* развитии, в фокусе их рассуждений всегда оставалась окружающая среда, поэтому и теория (если отбросить ее политизированное восприятие) воспринималась главным образом как продукт процесса экологизации научных знаний, который на протяжении всех 1970-х годов развивался в мире очень бурно. Другими словами, нужно отдать дань справедливости и признать, что заслуга продвижения теории устойчивого развития действительно принадлежит экологам. В 1987 г. комиссия Брундтланд опубликовала доклад «Наше общее будущее», где более подробно и внятно разъяснила само понятие «устойчивое развитие», его составляющие, а также обосновала необходимость изменения прежней политики в области СМР¹³.

Согласно определению комиссии Брундтланд «устойчивое развитие — это развитие, которое, удовлетворяя нужды и потребности нынешних поколений, не создает рисков и ущерба будущим поколениям». Иными словами, это такое «продолжающееся», или «самодостаточное», развитие, которое не противоречит и не создает угрозы существованию и развитию человечества в будущем. Если внимательно вчитаться в данное определение, то мы увидим, что оно состоит из двух базовых понятий: «нужды» (речь идет в первую очередь о самых насущных нуждах беднейшего населения Земли, которые должны стать безоговорочным приоритетом развития) и «ограничений» (имеется в виду уменьшение «нагрузок» на окружающую среду).

Современная теория устойчивого развития (т.е. оформившаяся в середине 1980-х годов и с некоторыми уточнениями и дополнениями пришедшая к нам в XXI век) представляет собой триединую концепцию. Основная мысль ее авторов и приверженцев заключается в том, что мировое развитие будет устойчивым только в том случае, если будут обеспечены баланс и устойчивость трех его неразрывно связанных и взаимообусловленных компонентов — экономического, социально-политического и экологического.

Экономическая составляющая устойчивого развития оспаривает базовую установку традиционной экономики — неограниченный экономический рост. Сторонники концепции считают, что если и можно добиться каких-то краткосрочных результатов в области удовлетворения нужд индивидуальных потребителей и уве-

¹³ Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. Доступ: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 11.09.2014).

личения прибыли производителей, то в долгосрочной перспективе это все равно неизбежно приведет к истощению ресурсов, как природных, так и социальных. Пытаясь найти адекватные схемы производства и потребления, авторы концепции предложили оптимальное использование ограниченных ресурсов и все большее привлечение экологичных (природосберегающих, энергосберегающих и материалосберегающих) технологий, включая минимизацию добычи сырья, переработку и уничтожение отходов и т.д.

Тесно связанная с экономической экологическая составляющая призвана обеспечить целостность биологических и физических природных систем. В этом смысле концепция устойчивого развития во многом перекликается с концепцией ноосферы, выдвинутой академиком В.И. Вернадским. За много лет до исследований комиссии Брундтланд советский ученый показал, что наступает момент, когда разумная и рациональная человеческая деятельность в сфере взаимодействия общества и природы становится решающим фактором. Особое значение имеют экологические системы, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы. При этом приверженцы теории устойчивого развития подчеркивали, что понятия «природные системы» и «ареалы человеческого обитания» могут включать и «человекотворную» среду, например города.

Последний компонент триединого комплекса теории — социальный. Это, пожалуй, наиболее объемный и наиболее противоречивый аспект, в особенности с точки зрения практической реализации очерченных в нем задач. На первый взгляд, все понятно: в центре концепции находится человек как субъект развития. Однако, когда речь идет о сохранении социально-культурной системы, в которой человек обитает, во весь рост встают проблемы, решение которых требует невероятных усилий, как интеллектуальных, так и самых что ни на есть материальных. Что является наиболее эффективным средством сокращения числа разрушительных конфликтов на земле? Как реализовать положение комиссии Брундтланд о справедливом распределении благ? Как сохранить культурный капитал и культурное многообразие в сегодняшнем глобализирующемся мире? Как создать эффективную систему управления всеми этими процессами?

Над решением этих вопросов еще предстоит много думать и много работать. Однако важно отметить, что сама их постановка и увязка воедино означали серьезный шаг вперед в эволюции теории развития. И результаты не замедлили сказаться: устойчивое развитие, продолжая концептуально оформляться, обеспечило формат для весьма значимых теоретических подходов «второго уровня», которые очень быстро отвоевали себе место в интеллек-

туальном дискурсе и без которых сегодня уже невозможно представить практическую политику в области развития. В первую очередь мы имеем в виду теорию так называемого человеческого развития, обновленные трактовки понятия «бедность», концепцию человеческой безопасности, возвращение к жизни связки «безопасность – развитие», так называемое партиципативное (participatory) развитие, сотрудничество по линии Юг–Юг, социальную экологию, особенно в тех ее аспектах, которые затрагивают проблемы возникновения конфликтов (начиная с неравномерного доступа к ресурсам и заканчивая этническими и религиозными причинами), их урегулирования, включая чрезвычайно актуальный сегодня вопрос о миростроительстве и надлежащем управлении. Таким образом, в конце XX в. ученые пришли к выводу о том, что развитие – не самоцель, а средство достижения лучшей и более равной жизни для людей. Именно поэтому фокус устойчивого развития нацелен на интеграцию экономического, биологического, социального, культурного и политического измерений. О сегодняшнем состоянии теории развития можно сказать, что это не война парадигм, а их примирение.

* * *

Одним из приоритетных направлений развития в конце XX – начале XXI в. стало так называемое человеческое развитие. По сравнению с прошлыми парадигмами эту концепцию отличает в первую очередь широта взгляда на цели развития и, следовательно, их результаты: теперь в фокусе развития не только параметры экономических достижений, но и более общие (и в то же время более конкретные, например, в области здравоохранения и образования) показатели человеческого благополучия.

Концепция человеческого развития стала совершенно закономерным результатом всей предшествующей эволюции теории, хотя самые непосредственные ее истоки следует искать в ежегодных «Докладах о человеческом развитии», подготовленных в формате Программы ООН по проблемам развития. Инициатором нового подхода выступил пакистанский ученый-экономист М. уль Хак, взявший за основу своих разработок исследования индийского экономиста А. Сена. В первом же докладе (1990) цель нового подхода была сформулирована предельно четко: переместить фокус экономики развития с оценок национального дохода на человекоцентричную политику¹⁴. Отметим, что именно теоретический

¹⁴ Human Development Report 1990. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf (accessed: 11.09.2014).

формат устойчивого развития позволил сторонникам нового подхода создать методологическую базу для оценки и измерения показателей человеческого развития в глобальном контексте, а не только на уровне отдельных государств и регионов. Разработанные М. уль Хаком индексы человеческого развития (ИЧР) фактически стали использоваться как синоним термина «уровень жизни», или «качество жизни». Они служили в качестве совокупного показателя достижений того или иного государства в сфере здравоохранения (состояние здоровья и продолжительность жизни), образования (уровень грамотности и количество людей, охваченных услугами этой сферы) и материального благополучия его граждан (ВВП на душу населения). По задумке создателей концепции, публикуемые ИЧР должны были привлекать внимание мировой общественности к главным проблемам современного мира, в первую очередь к неравенству, в том числе гендерному, и, конечно, к проблеме искоренения бедности. Периодичность и регулярность публикации отчетов позволяли выявлять динамику и результаты решения отдельных проблем и фиксировать появление новых. Важным шагом на пути корректировки теории и практики СМР по заданному концептом человеческого развития вектору стал доклад Всемирного банка за 2000–2001 г.г., в котором была предложена значительно более глубокая и объемлющая трактовка понятия «бедность»¹⁵. Новый подход предусматривал категории абсолютной и относительной, временной и постоянной бедности. Были введены понятия «уязвимость» и «ловушки бедности». К шкале расчета бедности добавились такие категории, как здоровье и образование.

Параллельно с новой оценочной шкалой международное сообщество работало над созданием программы по борьбе с бедностью и общему повышению уровня жизни. Такая программа была представлена в виде принятой 8 сентября 2000 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ)¹⁶, также ставшей важной вехой на пути утверждения современной концепции человеческого развития. ЦРТ в очередной раз проиллюстрировали междисциплинарность теории развития. Так, программа предполагала решение самых разных проблем – экономических, социальных, политических, гендерных, культурных, религиозных, экологических, причем в тесном их переплетении и взаимозависимости: нельзя решать гендерные проблемы, не учитывая культурного и религиозного фактора, невозможно в современном мире

¹⁵ World Development Report 2000/2001: Attacking Poverty. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11856> (accessed: 11.09.2014).

¹⁶ United Nations Millennium Declaration. Available at: <http://www.un.org/millennium/declaration/ares552e.htm> (accessed: 11.09.2014).

рассуждать о правах человека, оставляя за рамками такие политические аспекты, как терроризм и человеческая безопасность.

Последний из перечисленных концептов — человеческая безопасность — также появился после окончания «холодной войны». Связка с развитием была очевидна: поскольку безопасность человека является важной составной частью народного благосостояния, она отвечает целям развития. Напомним, что в классическом дискурсе развития проблема глобальной бедности и отсталости всегда рассматривалась как угроза либеральному миру. В этом смысле сегодня ситуация не слишком изменилась: связка «развитие — безопасность» сохраняет актуальность, с той только разницей, что в современной теории понятие «безопасность» толкуется шире и глубже. Новая парадигма пришла на смену прежним представлениям школы политического реализма о том, что главным объектом политики обеспечения безопасности является государство. Безусловно, подобная трактовка — это дань и продукт времени — эпохи после окончания «холодной войны» и глобализации.

Следует признать, что на долю концепции человеческой безопасности выпало немало трудностей. Едва успев появиться и начав концептуализироваться именно в формате «человекоцентричного» и политико-социологического подхода, она вынужденно подверглась решительному пересмотру, основанием для которого были очень серьезные события. Начало этому новому дискурсу было положено 11 сентября 2001 г., поэтому, когда мы пытаемся дать определение концепции человеческой безопасности, мы должны сразу оговориться: одно дело — ее трактовка до 9/11, другое — после.

Итак, возникнув в начале 1990-х годов как антитезис понятию «национальная», или «государственная», безопасность, человеческая безопасность определялась как «индивидуальная» (а не коллективная) безопасность против угрозы и практики насилия. При этом, как было указано в Программе развития ООН (1994)¹⁷, человеческая безопасность включает взаимозависимые и взаимосвязанные категории, без которых она не может быть обеспечена: экономическую (свобода от бедности), экологическую (защита от экологических катастроф и угроз, создаваемых загрязнением окружающей среды), продовольственную (гарантия обеспечения доступа к пище), охрану здоровья (обеспечение медицинскими услугами), личную (защита от таких видов угроз, как пытки, военные действия, домашнее насилие, наркотики, уличная и бытовая преступность, инциденты на транспорте и т.д.), безопасность сообщества (бережное отношение к различным этническим группам, их традициям и

¹⁷ Human Development Report 1994. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 11.09.2014).

культуре), наконец, политическую безопасность (гарантия соблюдения гражданских прав и свобода от преследования).

Интересно, что риторика документа, в котором неоднократно встречается слово «свобода» (freedom), позволяет проследить исторические корни этой новой трактовки человеческой безопасности. Она вновь возвращает нас в середину XX в., точнее, ко времени начала Второй мировой войны и знаменитому обращению президента США Франклина Д. Рузвельта к Конгрессу и нации, где он декларировал «четыре свободы»¹⁸. Первая и вторая (свобода слова и вероисповедания) тогда уже никого не могли удивить, однако третья и четвертая звучали достаточно неожиданно и новаторски — свобода от нужды и свобода от страха. С точки зрения проекции на будущие концепции развития был важен факт дальнейшей конкретизации этих свобод в Атлантической хартии 1941 г., в которой, по сути, уже намечались основные принципы послевоенного устройства мира¹⁹. Там свобода от нужды и свобода от страха были адресованы уже не только американцам, но *всем* народам мира, а подписавшие документ США и Великобритания косвенно признавали свою ответственность за обеспечение этих свобод, т.е. фактически за человеческую безопасность.

В начале 1990-х годов на волне оптимизма после окончания «холодной войны» и череды «бархатных революций» в Европе, когда действительно могло показаться, что началась эра демократических революций, такая постановка вопроса не выглядела особенно утопичной и идеалистической. Ситуация резко изменилась в сентябре 2001 г., когда США объявили войну терроризму и акцент вновь сместился в сторону национальной безопасности, а в теории появилась новая конструкция — «секьюритизация развития».

В современном теоретическом дискурсе безопасность понимается как состояние предсказуемости на различных уровнях социальной системы — от локальных обществ до глобального уровня, или мирового порядка. В общем смысле безопасность — противоположность длительному или продолжающемуся беспорядку, а дальше все уже зависит от того, кто дает определение: более или менее «традиционные» реалисты станут рассуждать о национальной безопасности в анархической системе государств и главное — о «выживаемости» государства, т.е. сохранении его суверенитета; либералы — о безопасности личности и т.д. Сегодняшняя «девелопменталистская» трактовка безопасности значительно шире,

¹⁸ Franklin D. Roosevelt's 'Four freedoms speech' Annual Message to Congress on the State of the Union: 01.06.1941. Available at: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/pdfs/ff-text.pdf> (accessed: 11.09.2014).

¹⁹ Atlantic Charter. Available at: <http://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp> (accessed: 11.09.2014).

чем, например, военная угроза государству. Действительно, угроза безопасности может прийти отовсюду — от иностранного государства, собственного правительства, цунами, африканской лихорадки или даже соседа по площадке. Этот существенный сдвиг в понимании безопасности и отразил Доклад 1994 г. Именно там была разъяснена разница между безопасностью человека и стремлением государства обеспечить свою безопасность. В более поздних докладах человеческая безопасность была связана с человеческим развитием и в конечном счете — со всем комплексом прав человека. Появление концепта «человеческая безопасность» имело большое значение не только для теории развития, но и для международно-политической науки в целом. «Новая концепция, — отмечает российский исследователь А. Асташин, — отличалась мультидисциплинарным пониманием безопасности, что подразумевало подключение к исследованиям безопасности экспертов в таких областях, как “исследования в области развития” (development studies), международные отношения, стратегические исследования и исследования прав человека. Это отразило также новые явления в международных исследованиях в целом, которые стали приобретать мультидисциплинарный характер» [Асташин, 2008].

Концепция человеческой безопасности и возрожденная связка «безопасность — развитие» создали дополнительный формат для решения одной из наиболее острых и противоречивых проблем международно-политической науки и практики — урегулирования конфликтов. В сущности, эта связка дала возможность ученым увидеть серьезный изъян и ошибки в прежней теории развития. С самого начала своего существования девелопменталистика базировалась на положении о том, что развитие и конфликт — отдельные, не пересекающиеся и чуть ли не исключающие друг друга феномены: развитие останавливается, как только начинается конфликт, и может возобновиться только после того, как конфликт будет исчерпан. В результате ни в теории, ни в практике развития эти явления не были проанализированы на предмет их причинно-следственной связи. Только в первое десятилетие XXI в., как пишут норвежские специалисты Т. Вимпелманн и А. Сурк, «девелопменталистский мейнстрим» обратил внимание на этот изъян [см.: Haslam, Schafer, Beaudet, 2012: 420].

Современную девелопменталистику в первую очередь интересуют внутригосударственные конфликты разного происхождения. В наиболее концентрированном виде эти вопросы современной теории и практики развития представлены категорией «нестабильные государства и государства, затронутые конфликтом» (fragile and conflict-affected states). Особую остроту данные вопросы приобрели после сентябрьских терактов 2001 г., когда

в теории и практике международных отношений слабость государственных институтов была увязана с международным терроризмом и стала рассматриваться в качестве источника угрозы международной безопасности. На протяжении последних двух десятилетий зарубежная деволюменталистика уделяла и уделяет этой проблематике достаточно пристальное внимание. К сожалению, отечественная наука делает в этом направлении только первые шаги [Бартенев, 2011; 2014].

Общим местом теории международных отношений в целом и деволюменталистики в частности является положение о том, что дезинтеграция государства ведет к нестабильности, хаосу и, соответственно, к отсталости. Как следствие, возникает вероятность угрозы распространения нестабильности и хаоса уже за пределы границ данного конкретного государства. Следовательно, помощь развитию должна включать усилия по урегулированию конфликтов и нормализации ситуации внутри таких нестабильных государств. В этой ситуации и возникают наиболее острые вопросы сегодняшней теоретической и практической деволюменталистики. Каким должен быть процесс этого урегулирования и «мирного строительства»? Как планировать программы помощи? Наконец, кому помогать, если приходится иметь дело с обществом и экономикой, не поддающимися контролю со стороны государства, а находящимися под влиянием (или даже управлением) новых «антрепренеров», которых поддерживают частные военные компании, наркодилеры, террористы и т.д. и которые к тому же имеют международные связи?

Таким образом, на рубеже веков вопрос о содействии развитию нестабильных государств (*fragile states*) дал рождение, по сути, отдельному самостоятельному исследовательскому направлению — деволюменталистике. Будучи одной из самых «молодых» концепций СМР, за прошедшие полтора десятка лет она, тем не менее, уже успела подвергнуться существенным корректировкам. Ученые сочли, что проводившиеся в странах «третьего мира» в 1980–1990-е годы преобразования не дали ожидаемых результатов главным образом по причине отсутствия эффективных государственных институтов. Как было отмечено ранее, в соответствии с господствовавшими в ту пору неолиберальными тенденциями донорам было рекомендовано требовать от стран-реципиентов соответствия западным, либерально-демократическим, стандартам управления (верховенство закона, подотчетность, транспарентность, усиление роли гражданского общества и его участие в политическом процессе и т.д.) и отсекал от каналов помощи те государства, которые этим стандартам не соответствовали. Однако в скором времени аналитики признали контрпродуктивность такого подхода: охва-

ченные конфликтом страны (даже при условии эффективности процесса мирного урегулирования) просто не могли обеспечить надлежащее управление. К середине 2000-х годов стало очевидно, что наибольшее отставание от графика выполнения ЦРТ демонстрировали самые проблемные с точки зрения эффективности управления страны и что достижение Целей возможно только при условии превращения помощи сложным партнерам в стратегический приоритет содействия развитию. Это привело исследователей к выводу о том, что необходимым условием для обеспечения мира является восстановление или создание заново дееспособного государства. В результате главным для теории и практики СМР стал вопрос о соотношении двух понятий — «миростроительство» и «государственное строительство». В сегодняшней девелопменталистике эти процессы считаются взаимодополняющими [см.: Бартев, 2012].

Концептуальная связка между стабильностью (миром) и развитием и попытки выработки подходов к нестабильным государствам вновь вывели теоретиков на одну из наиболее сложных проблем — соотношения между экономическим развитием и политической модернизацией, или демократизацией. Как показала 60-летняя история, экономическое развитие само по себе не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы. Линейного движения к демократии западного типа не происходит. Ярким подтверждением этого служит современный Китай — страна, которая в последние три десятилетия демонстрирует небывалые темпы экономического роста. Согласно прежним теориям модернизации Китай давно уже должен был демократизироваться. Однако ничего подобного не наблюдается: права человека в КНР не гарантированы, средства массовой информации и интернет находятся под контролем государства.

Недавно миру явился другой пример. Революционные процессы в странах арабского Востока показали, что без изменений в политической сфере устойчивое развитие общества и безопасность человека остаются под угрозой. Таким образом, если прямой зависимости между экономическим развитием и демократизацией не существует, то связка между этими процессами, безусловно, есть. Современная девелопменталистика пытается найти эту связку посредством ввода в теорию термина «надлежащее управление» (good governance).

Определение этого понятия представляет собой отдельную проблему. Четкого толкования до сих пор не существует, и в зависимости от контекста внимание акцентируется на различных аспектах общественного развития. В теоретической девелопменталистике

сложился консенсус в отношении основных признаков (и одновременно задач) надлежащего управления. В первую очередь оно означает и одновременно обеспечивает: соблюдение прав человека, главенство закона, политический плюрализм, прозрачные и надежные общественные институты, эффективный общественный сектор, доступ к информации и образованию, политическую грамотность и активность общества, равенство всех его членов, устойчивое развитие и приверженность общечеловеческим ценностям (уважение прав личности, собственности, религиозную и этническую толерантность и т.д.). Надлежащим управление считается тогда, когда оно стремится и может обеспечить условия реализации права человека на развитие. Это предполагает содействие искоренению бедности и создание условий для достойной жизни всех членов общества (реализацию права человека на медицинскую помощь, нормальное жилье и полноценное питание, качественное образование и личную безопасность) [Содействие международному развитию, 2012: 38].

Разъяснение концепции надлежащего управления было дано Комиссией ООН по правам человека в 2000 г., связавшей воедино понятия «надлежащее управление» и «устойчивое человеческое развитие». В качестве главных атрибутов надлежащего управления Комиссия назвала: транспарентность, ответственность, подотчетность, возможность участия общества в процессе принятия политических решений, понимание нужд населения. Поскольку именно право на развитие — в самом широком толковании этого термина — является основным критерием надлежащего управления, возможность его реализации была определена в тех областях, которые создают условия для осуществления этого права. В качестве основных теоретики развития определили четыре сферы: формирование демократических институтов, посредством которых широкие слои общества вовлекаются в процесс принятия политических решений; гарантированный доступ граждан к образованию, здравоохранению и полноценному питанию; эффективная законодательная и правоохранительная деятельность правительства; наконец, антикоррупционное направление — формирование гласных информационных систем, мониторинг использования правительством государственных и общественных фондов и т.д. [Содействие международному развитию, 2012: 38–39].

При этом важным аспектом остается связь между надлежащим управлением и правами человека. Ученые говорят в первую очередь о необходимости налаживания работы демократических институтов, неукоснительном соблюдении законов и обеспечении эффективной борьбы с коррупцией. Эта последняя связка сегодня представляется не менее сложной и противоречивой, чем и в прежние

времена. XXI век действительно дал старт новым дискурсам устойчивого развития — в их центре сегодня находится вопрос о демократии и правах человека. Доклад комиссии Брундтланд, саммиты в Рио-де-Жанейро и Йоханнесбурге задали очень высокие нормы и цели человеческого развития. Однако сегодня ученые вновь заговорили о том, что вряд ли мы когда-нибудь сможем достичь устойчивого развития без углубления демократизации на всех уровнях общества.

* * *

Одной из важных корректировок прежних подходов стало так называемое партиципативное развитие. Появление к жизни этой концепции было также вызвано суровой критикой ранее существовавшей парадигмы. На рубеже веков необходимость более активного вовлечения в процесс развития самих «бедных» наций стала очевидной. Теория партиципативного развития тоже не совсем нова — она появилась еще в 1970-е годы, когда была представлена в качестве важной составляющей концепции базовых нужд. Считается, что любые проекты, направленные на развитие того или иного региона, будут успешнее и эффективнее, если в них примут заинтересованное участие местные жители. Партиципативное развитие стало своего рода демократической альтернативой бывшей «мэйнстримовской» концепции развития «сверху вниз».

Теория эта может быть представлена неоднозначно. Некоторые сторонники партиципативного развития подчеркивали ту его сторону, которая связана с совместными разработками и управлением (руководством) определенными программами. Партиципативное развитие предполагало сотрудничество внешних и местных ведомств и институтов в процессе работы над каким-либо проектом. При этом имелось в виду, что в рамках такого сотрудничества следует не просто учитывать местные приоритеты развития, но и стараться избегать какого-либо навязывания «своих» приоритетов. Важной целью и одновременно компонентом партиципативного развития стало стремление пробудить инициативу местного населения, дать ему проявить собственные способности, а также почувствовать определенную ответственность за выбор тех или иных действий.

Другой версией концептуализации понятия «партиципативное развитие» является акцент на «совместном процессе обучения». В данном случае проблема соучастия включает методологические и практические вопросы, связанные с пониманием друг друга, перениманием опыта каждой из сторон (внешнего участника развития и местных агентств или индивидов) для достижения оптимальных результатов.

Конечно, в современной теории СМР без критики партициптивного развития тоже не обошлось. Главное, указывают оппоненты, по сравнению с «традиционным девелопментом» это дорого и медленно. Процесс согласования, поиски консенсуса и т.д. — все это может существенно тормозить реальные дела. Серьезные возражения вызывает также тот момент, что общества, которые приглашаются к совместному участию в проектах, очень не похожи друг на друга. Один из конкретных примеров — гендерная проблема. Известно, насколько различным является положение женщин в обществах «глобального Юга». В этой связи встает вопрос, в какой степени можно гармонизировать эти подходы. Та же самая проблема возникает в отношении обществ, где существует деление на сословия, классы, касты и т.д.

Необходимость (а фактически неизбежность) вовлечения стран «глобального Юга» в процесс содействия международному развитию нашла отражение в еще одном новом и очень важном для СМР направлении теории развития — сотрудничестве по линии Юг–Юг. Появление этого концептуального подхода в теории СМР на рубеже веков было вызвано не только (и не столько) критикой традиционной концепции помощи «сверху вниз», сколько серьезнейшими изменениями в мировой экономике и международных отношениях, в лексиконе специалистов обозначенных как «феномен восходящих держав».

К концу первой декады XXI в. экономики восходящих держав — БРИКС (BRICS) и обозначаемых в западной литературе как «N-11» («следующие 11») ²⁰ — заявляют о себе все громче. Если раньше страны «Большой восьмерки» контролировали 60% мирового ВВП, то к 2010 г. этот показатель снизился до 50%, в то время как указанные восходящие экономики в совокупности увеличили свою долю с 25 до 33% [Bushan, Tussie, 2010: 529]. Правда, ученые отмечают, что пока трудно говорить об устойчивости этого роста, поскольку в значительной степени он обеспечивается экспортом, удовлетворяющим спрос рынков стран Севера, а также огромными издержками экологического характера (например, не секрет, что в этом смысле «восхождение» экономик Индии и Китая представляет реальную угрозу человеческой безопасности их населения). Однако для нас важно другое: страны БРИКС, а вслед за ними и «N-11» уже являются новыми акторами на арене девелопмента и своим огромным потенциалом способны существенно трансформировать всю архитектуру СМР.

²⁰ Группа государств, в состав которой входят Бангладеш, Вьетнам, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Турция, Пакистан, Южная Корея и Филиппины, чьи национальные экономики наряду со странами БРИКС претендуют на передовые позиции в мировой экономике XXI в.

Страны БРИКС продолжают развивать отношения по линии Юг–Юг. Так, собственную стратегию торговли и содействия развитию выбрала Бразилия – курс на уменьшение своей зависимости от доминирующих мировых экономик путем интенсификации и диверсификации отношений с развивающимися странами. Программы СМР при этом привязаны к внешнеполитическим задачам, вследствие чего реципиентами бразильской помощи в основном являются соседние южноамериканские страны. Кроме того, около 30% бразильской СМР приходится на Африку, однако на протяжении первой декады столетия Бразилия проявляла все больше заинтересованности в коммерческих проектах на Африканском континенте. Бразильский экспорт в страны региона возрос с 3 млрд долл. в 2000 г. до 18,5 млрд в 2008 г., в то время как объемы импортированных товаров увеличились за тот же период соответственно с 1 до 8 млрд долл. [Haslam, Schafer, Beaude, 2012: 530]. В соответствии с этой тенденцией росла и вовлеченность Бразилии в проекты помощи развитию Африканского континента. Программы бразильской СМР для африканских стран в основном охватывают сферу передачи «социальных технологий» (например, просвещение населения в отношении СПИДа и других инфекционных заболеваний, технологические вопросы современных финансовых операций, мотивационные основы образования, возобновляемые источники энергии и т.д.).

Что касается практических вопросов участия Китая в содействии международному развитию, то роль этой страны настолько значительна (в первую очередь также в Африке), что она фактически определяет сегодня основные тенденции практики СМР на Черном континенте. Ученые отмечают, что влияние Китая (как и Индии) на развивающиеся страны, в частности африканские, осуществляется в большей степени за счет торговли и капиталовложений, а не за счет помощи в традиционном смысле. Однако стратегии, посредством которых реализуется это влияние, у двух стран различные: китайцы предпочитают этатистский подход, т.е. капиталовложения и программы СМР контролируются государством, в то время как индийцы действуют через свой частный сектор.

Естественно, на глобальном уровне восходящие страны стремятся играть более значимую роль в мировой политике. Сегодня сложилась такая ситуация, что степень их участия в процессе глобального управления не соответствует растущей экономической мощи. Так, Китай и Индия, роль которых, например, во Всемирной торговой организации является довольно весомой, тем не менее, не имеют возможности выступить единым фронтом, чтобы от имени «глобального Юга» сказать свое внушительное слово и принять действенное участие в реформировании гло-

бального управления. В значительной мере это объясняется слишком разными подходами двух стран (помимо напряженности, вызванной спорами по вопросу границ, существующей в отношениях между Пекином и Дели с 1962 г.) к проблемам мировой политики в целом и развития. В частности, Китай, как известно, руководствуясь соображениями прагматизма, предпочитает отстаивать свои национальные интересы в реальной существующей структуре распределения глобальной мощи (хотя теоретически КНР поддерживает идею распространения влияния развивающихся стран на институты глобального управления). Индия, наоборот, позиционирует себя в качестве лидера и защитника интересов всех страдающих от бедности и лишений стран и людей мира и пытается захватить лидирующую роль в отстаивании позиций развивающихся стран через «G22» в ВТО.

Значительной вехой в эволюции сотрудничества по линии Юг–Юг стал недавний мировой финансовый кризис. Помимо давно и широко обсуждаемых его социальных и экономических последствий, в том числе возникновения интереса к отвергнутым кейнсианским рецептам и возрождения этатистских тенденций, ученые отметили еще один эффект, возможно, незаметный на первый взгляд, но весьма влияющий на сферу СМР. То обстоятельство, что эпицентром кризиса был «глобальный Север», а более динамично развивающиеся восходящие экономики оказались затронуты им в меньшей степени, укрепило стремление последних к сокращению экономической зависимости от Севера. Ускоренное развитие взаимодействия по линии Юг–Юг между странами БРИКС и другими развивающимися регионами, например Африкой, стало интерпретироваться в качестве ответа на постепенный «упадок» Севера, хотя, конечно, как признают ученые, говорить о серьезной реструктуризации мировой экономики пока преждевременно, ведь «глобальный Юг» как минимум все еще зависит от экспорта и капиталовложений «глобального Севера».

* * *

В заключение следует отметить, что говорить сегодня о завершении процесса формирования новой стройной теории развития, конечно, рано. Пока ей действительно свойственны некоторая дробность, фрагментарность, недоговоренность. В значительной степени это объясняется тем, что, как мы отмечали в предыдущей статье, теория СМР отличается необыкновенной живостью и слишком крепко привязана к практике. Однако совершенно очевидно, что с учетом мультидисциплинарности девелопмента-

листки, а также многообразия выбора мотивационных детерминант практической политики в современном глобальном мире теория СМР — одна из наиболее перспективных теоретических направлений международно-политической науки.

Она будет развиваться и дальше. По нашему глубокому убеждению, седьмая часть человечества, которой посчастливилось родиться в «развитом» мире и которую ненаучно называют «золотым миллиардом», не может безучастно наблюдать, как «рядом, в двух шагах <...> кто-то гибнет, и мир рушится для него среди крика и мук...»²¹. При анализе процесса принятия любого решения важно помнить, что основой внешней политики, в том числе СМР, являются люди, действующие в одиночку или группами от имени данного политического сообщества. Большинству людей, будь они политиками или простыми избирателями, свойственно иметь совесть (как «выражение нравственного самосознания личности» и «чувство, побуждающее к добру») и/или как минимум испытывать сострадание, поэтому, хотя, скажем прямо, немногие способны чувствовать и понимать окружающий мир столь же остро и глубоко, как герой Ремарка, против оказания помощи будут выступать единицы.

Однако проблематика СМР тем и представляет особенный интерес, что помимо гуманитарной мотивации внешняя помощь вообще и СМР в частности имеют значительно более осязаемые и материальные детерминанты. Как уже было отмечено, не последнее место занимают экономические интересы того или иного государства (и/или его отдельных бизнес-групп [Бартенев, 2014]) и его стремление обеспечить условия безопасного существования, а иногда и выживания своих граждан. Подтверждая этот тезис, мы можем опереться на самый свежий пример, который не будет противоречить убеждениям ни сторонников реалистической парадигмы, ни приверженцев либеральной школы. Если не совесть и сострадание, то уж один из основных инстинктов — страх — людям присущ обязательно. Вспыхнувшая летом 2014 г. эпидемия лихорадки Эбола вновь заставила не только руководителей государств, но и простых граждан задуматься о том, насколько взаимосвязан и взаимозависим сегодняшний мир. Смертельная угроза, возникшая на западе Африки и в считанные недели нависшая над жителями других континентов, в очередной раз показала, что помощь людям беднейших стран является не только нравственным императивом, но и необходимостью, диктуемой соображениями безопасности. Соответственно, дилеммы «помогать — не помогать» в современном мире просто не существует.

²¹ Ремарк Э.М. Возлюби ближнего своего. М.: АСТ, 2010. С. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташин В.В. Альтернативные подходы к проблемам безопасности в международных исследованиях: концепция человеческой безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2. С. 63–69.
2. Бартенев В.И. Внутривнутриполитические детерминанты использования инструментов внешней помощи: модель для сборки // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 153–166.
3. Бартенев В.И. «Новый курс» оказания помощи «нестабильным государствам»: истоки, компоненты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4. С. 113–143.
4. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3. С. 37–50.
5. Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
6. Глазунова Е.Н. Теоретические аспекты содействия международному развитию: историческая ретроспектива // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 126–146.
7. Глазунова Е.Н. У истоков содействия международному развитию: американская программа технической помощи развивающимся странам // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 126–157.
8. Давыдов Ю. Нормативность в мировой политике // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2(8). С. 40–52.
9. Содействие международному развитию: Курс лекций / Под ред. В.И. Бартенева, Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2012.
10. Beswick D., Jackson P. Conflict, security, and development. An Introduction. London; New York: Routledge, 2011.
11. Booth D. Marxism and development sociology: interpreting the impasse // World Development. 1985. No. 13(7). P. 761–787.
12. Bushan A., Tussie D. Widening global governance: building on the G-20. Canadian Development Report 2010. Ottawa: North-South Institute. P. 1–17.
13. Clemens W.C., Jr. Dynamics of international relations. Conflict and mutual gain in an era of global relations. Rowman & Littlefield Publishers, 1998.
14. Coletta N.J., Cullen M.I. Violent conflict and the transformation of social capital. Washington, D.C.: World Bank, 2000.
15. The companion to development studies / Ed. by V. Desai, R.B. Potter. 2nd ed. Hodder Education, 2008.
16. Development cooperation and emerging powers. New partners or old partners? / Ed. by S. Chaturvedi, T. Fues, E. Sidiropoulos. London; New York: Zed Books, 2012.
17. The development dictionary: a guide to knowledge as power / Ed. by W. Sachs. London: Zed Books, 1992.

18. Escobar A. Encountering development: the making and unmaking of the third world. Princeton: Princeton University Press, 1995.
19. Esteva G., Babones S., Babcicky Ph. The future of development: a radical manifesto. Bristol: Policy Press, 2013.
20. Ferguson J. The anti-politics machine: 'development', depoliticization, and bureaucratic power in Lesotho. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
21. Foreign aid and development: lessons learnt and directions for the future / Ed. by F. Tarp. London: Routledge, 2000.
22. Global environmental change and human security / Ed. by R.A. Matthew, J. Barnett, B. McDonald, K.L. O'Brien. The MIT Press, 2010.
23. Haslam P.A., Schafer J., Beaudet P. Introduction to international development. Approaches, actors, and issues. Oxford University Press, 2009.
24. Latouche S. In the wake of the affluent society: an exploration of post-development. London: Zed Books, 1993.
25. The post-development reader / Compiled and introduced by M. Rahnema with V. Bawtree. London: Zed Books, 1997.
26. Rapley J. Understanding development: theory and practice in the third world. 3rd ed. Lynne Rienner, 2007.
27. Rist G. The history of development: from western origins to global faith. Expanded edition. London: Zed Books, 2003.
28. Scott V.S. Gender and development: rethinking modernization and dependency theory. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1995.
29. Security and development in global politics: a critical comparison / Ed. by J. Spear, P.D. Williams. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2012.
30. Towards a gendered political economy / Ed. by J. Cook, J. Roberts, L. Waylen. London: Macmillan, 2000.

E.N. Glazunova

**THEORETICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT
COOPERATION: CONTEMPORARY DISCOURSE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper provides further insight into the history of development assistance theory and continues a research program first introduced in Iss. 2 of 2013 of this journal. It examines the evolution of development assistance theory in the late XX – early XXI centuries, starting with 'antidevelopment' and 'post-development' approaches of the 1980s and 1990s. While characterizing the process of transformation of theory, the author tracks the origins of increasingly popular concept of sustainable development and closely related theories of human development, participatory development, social ecology, and human security. The paper also touches upon 'securitization of development', 'good governance', 'South–South development cooperation', and other concepts pivotal to development assistance theory in the early XXI century.

Keywords: development, international development assistance, post-development, antidevelopment, human development, sustainable development, human security, global government, 'good governance', 'securitization of development', democratization, participatory development, South–South cooperation.

About the author: *Elena N. Glazunova* – PhD (History), Associate Professor at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lng@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This work has been supported by a grant from the President of the Russian Federation for leading research schools of the Russian Federation (NSH-2427.2014.6).

REFERENCES

1. Astashin V.V. 2008. Al'ternativnye podkhody k problemam bezopasnosti v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: kontsepsiya chelovecheskoi bezopasnosti [Alternative approaches to security in international studies: the concept of 'human security']. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.).
2. Bartenev V.I. 2014. Vnutripoliticheskie determinanty ispol'zovaniya instrumentov vneshnei pomoshchi: model' dlya sborki [Domestic political determinants of foreign aid instruments: a model kit]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 153–166. (In Russ.).
3. Bartenev V.I. 2012. 'Novyi kurs' okazaniya pomoshchi 'nestabil'nym gosudarstvam': istoki, komponenty, perspektivy [A New deal for international engagement in fragile states: origins, components, prospects]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 4, pp. 113–143. (In Russ.).
4. Bartenev V.I. 2011. Cek'yuritizatsiya sfery sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of international development cooperation: analysis of political discourse]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, no. 3, pp. 37–50. (In Russ.).
5. Tsygankov P.A. (ed.). 2010. *Bezopasnost' cheloveka v kontekste mezhdunarodnoi politiki: voprosy teorii i praktiki* [Human security in the context of international politics: theory and practice]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.).
6. Glazunova E.N. 2013. Teoreticheskie aspekty sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: istoricheskaya retrospektiva [Theoretical aspects of international development cooperation: historical retrospect]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 2, pp. 126–146. (In Russ.).
7. Glazunova E.N. 2012. U istokov sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: amerikanskaya programma tekhnicheskoi pomoshchi razvivayushchimsya stranam [At the origins of international development cooperation: the US program of technical assistance to underdeveloped countries]. *Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 2, pp. 126–157. (In Russ.).

8. Davydov Yu. 2005. Normativnost' v mirovoi politike [Norms in world politics]. *Mezhdunarodnyye protsessy*, vol. 3, no. 2(8), pp. 40–52. (In Russ.).
9. Bartenev V.I., Glazunova E.N. (eds.). 2012. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Kurs lektsii* [International development cooperation. Set of lectures]. Moscow, the World Bank. (In Russ.).
10. Beswick D., Jackson P. 2011. *Conflict, security, and development. An Introduction*. London; New York, Routledge.
11. Booth D. 1985. Marxism and development sociology: interpreting the impasse. *World Development*, no. 13(7), pp. 761–787.
12. Bushan A., Tussie D. 2010. *Widening global governance: building on the G-20. Canadian Development Report 2010*. Ottawa, North-South Institute.
13. Clemens W.C., Jr. 1998. *Dynamics of international relations. Conflict and mutual gain in an era of global relations*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
14. Coletta N.J., Cullen M.I. 2000. *Violent conflict and the transformation of social capital*. Washington, D.C., the World Bank.
15. Desai V., Potter R.B. (eds.). 2008. *The companion to development studies*. 2nd ed. Hodder Education.
16. Chaturvedi S., Fues T., Sidiropoulos E. (eds.). 2012. *Development cooperation and emerging powers. New partners or old partners?* London; New York, Zed Books.
17. Sachs W. (ed.). 1992. *The development dictionary: a guide to knowledge as power*. London, Zed Books.
18. Escobar A. 1995. *Encountering development: the making and unmaking of the third world*. Princeton, Princeton University Press.
19. Esteva G., Babones S., Babcicky Ph. 2013. *The future of development: a radical manifesto*. Bristol, Policy Press.
20. Ferguson J. 1990. *The anti-politics machine: 'development', depoliticization, and bureaucratic power in Lesotho*. Cambridge, Cambridge University Press.
21. Tarp F. (ed.). 2000. *Foreign aid and development: lessons learnt and directions for the future*. London, Routledge.
22. Matthew R.A., Barnett J., McDonald B., O'Brien K.L. 2010. *Global environmental change and human security*. The MIT Press.
23. Haslam P.A., Schafer J., Beaudet P. 2009. *Introduction to international development. Approaches, actors, and issues*. Oxford, Oxford University Press.
24. Latouche S. 1993. *In the wake of the affluent society: an exploration of post-development*. London, Zed Books.
25. Rahnema M., Bawtree V. 1997. *The post-development reader*. London, Zed Books.
26. Rapley J. 2007. *Understanding development: theory and practice in the third world*. Boulder, Lynne Rienner.
27. Rist G. 2003. *The history of development: from western origins to global faith*. London, Zed Books.
28. Scott V.S. 1995. *Gender and development: rethinking modernization and dependency theory*. Boulder, Lynne Rienner.
29. Spear J., Williams P.D. 2012. *Security and development in global politics: a critical comparison*. Washington, D.C., Georgetown University Press.
30. Cook J., Roberts J., Waylen L. 2000. *Towards a gendered political economy*. London: Macmillan.